

## ПОСТКАПИТАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ ЛИЧНОСТИ *POST-CAPITALISM AND THE PERSONALITY REVOLUTION*

### Чей протест? Посткапиталистическая трансформация и антиномии “низовой” политической борьбы

Д.А. ДАВЫДОВ\*

\*ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, научный сотрудник отдела философии ФГБУН Института философии и права УрО РАН. Адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16. E-mail: davydovdmiriy90@gmail.com

В статье поставлен вопрос о роли протестной активности в становлении посткапиталистических общественных отношений. Показано, что сегодня расширяется интеллектуальный дискурс о посткапитализме, связанный с осмыслением ряда социально-экономических и технологических трансформаций, свидетельствующих о глубоком кризисе капитализма и становлении посткапиталистических общественных отношений. Вместе с тем ситуация оказывается крайне противоречивой, так как не похоже, чтобы протестная борьба за последние десятилетия приобретала отчетливо классовые или концентрированно антикапиталистические черты. Протестные движения все чаще сталкиваются с интересами “молчаливого большинства” или фокусируются на локальных проблемах, игнорируя более существенные. Тем не менее показано, что противоречия современного протеста вовсе не означают, что капитализм вечен, а идея посткапитализма не имеет никакого отношения к реальности. На смену капитализму приходит новая антагонистическая общественная формация, в рамках которой погоня за деньгами заменяется “погоней за личностью”: яркой индивидуальностью, популярностью, общественным признанием и т.д. Новой господствующей социальной прослойкой становятся люди, придерживающиеся преимущественно постматериалистических ценностей. Утратившие “традиционную” классовую идентичность *личности* благодаря бурному развитию социальных медиа приобретают новые инструменты политического влияния. Этот “класс популярных личностей” (персоналиат) и является сегодня самым главным организатором и провокатором уличной политической активности. Но, как и во времена предыдущих социальных революций, никто не может дать гарантий, что от деятельности “новых элит” выиграют все представители общества.

**Ключевые слова:** протест, протестные акции, посткапитализм, концепция постматериализма, социальная революция, марксизм, персоналиат, классовая борьба.

DOI: 10.31857/S086904990011119-2

**Цитирование:** Давыдов Д.А. (2020) Чей протест? Посткапиталистическая трансформация и антиномии “низовой” политической борьбы // Общественные науки и современность. № 5. С. 21–37. DOI: 10.31857/S086904990011119-2

## Whose protest? Post-capitalist transformation and antinomies of “grassroots” political struggle

Dmitriy A. DAVYDOV\*

\***Dmitriy A. Davydov** – Candidate of Political Science, Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the RAS. Address: Sofia Kovalevskaya st., 16, Ekaterinburg, 620219, Russia. E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

**Abstract.** The article raises the question of the role of protest activity in the formation of post-capitalist social relations. It is shown that today the intellectual discourse about post-capitalism is expanding, associated with the understanding of a number of socio-economic and technological transformations that indicate a deep crisis of capitalism and the formation of post-capitalist social relations. At the same time, the situation turns out to be contradictory, since it does not seem that the protest struggle in recent decades has acquired a distinctly class or concentrated anti-capitalist features. Protest movements increasingly clash with the interests of the “silent majority” or focus on local problems, ignoring ones that are more significant. Nevertheless, the author seeks to show that the contradictions of modern protest do not mean that capitalism is eternal, and the idea of post-capitalism has nothing to do with reality. Instead of capitalism, a new antagonistic socioeconomic formation appears, within which the pursuit of money is replaced by the “pursuit of personality”: for a bright individuality, popularity, public recognition, etc. People who predominantly adhere to post-materialist values are becoming the new dominant social stratum. Individuals who have lost their “traditional” class identity due to the rapid development of social media acquire new tools of political influence. This “class of popular persons” (the personaliat) is the main organizer and provocateur of street political activity today. However, as in the days of previous social revolutions, this does not mean that all representatives of society will benefit from the activities of the “new elites”.

**Keywords:** protest, protest actions, post-capitalism, post-materialism concept, social revolution, Marxism, the personaliat, class struggle.

**DOI:** 10.31857/S086904990011119-2

**Citation:** Davydov D. (2020) Whose protest? Post-capitalist transformation and antinomies of “grassroots” political struggle. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 21–37. DOI: 10.31857/S086904990011119-2 (In Russ.)

В последние годы появляется все больше научной и научно-популярной литературы, посвященной тематике посткапитализма (см., например, [Мейсон 2016; Срничек, Уильямс 2019]). Сюда по традиции входит обширный пласт марксистской литературы, ибо сам марксизм переживает своеобразный ренессанс [Бузгалин 2011]. Но тематика посткапитализма все чаще выходит за узкие рамки марксизма (о каких бы его формах речь ни шла), включает в себя смелые дискурсы, сочетающие изучение передовых технологий с исследованием противоречивых тенденций современного общества [Ореховский 2020]. Сам термин “посткапитализм” становится компромиссным, ибо больше ориентирует на внутренние трансформации капиталистической системы, постепенно перерождающейся в нечто иное, но пока еще не полностью выходящее за пределы имеющейся системы [Павлов 2020]. Так или иначе, поводов для энтузиазма достаточно. Здесь как большой набор “негативных” повесток, среди которых многочисленные так и не решенные экологические проблемы, углубляющееся социально-экономическое неравенство в мировом масштабе и в рамках отдельных развитых стран [Ликетти 2016; Бранко 2017], процессы прекаризации [Стэндинг 2014], технологического замещения рабочей силы [Форд 2016; Бриньолфсон, Макафи 2017] и т.п., так и множющиеся “позитивные” повестки. Среди последних в последнее время преобладают дискурсы о грядущем технологическом изобилии [Котлер, Диамандис 2017], которое в эпоху машин, искусственного интеллекта и роботов могло бы послужить

основой для освобождения от бессмысленного (“мусорного”) труда [Graeber 2018], о без- условном доходе как инструменте такого освобождения [Ван Парайс, Вандерборхт 2020], о расширяющемся производстве с “нулевыми предельными издержками” [Rifkin 2015] и т.д. Отмечаются структурные трансформации, означающие, что ключевым источником экономических благ становятся *знания*, специфика “производства” которых противоре- чит механизмам извлечения прибавочной стоимости: творчество как спонтанный комму- никативный процесс, невозможность прямых инвестиций (скажем, в фундаментальную науку) с точно измеримым результатом и т.п. Приводятся также такие свойства знания, как неделимость, возможность практически бесконечной и почти бесплатной репликации, обобществления (см., например, [Бузгалин 2018]).

Если совместить “позитивную” и “негативную” повестки, то, казалось бы, мы уже должны стоять на пороге нового общества. К тому же на все это наслаиваются катастро- фические последствия пандемии COVID-19. Однако вместо восстания рабочего класса, объединения бедных, угнетаемых, безработных, радеющих за справедливость, прекарно занятых и т.п. мы наблюдаем весьма специфическую картину. В США – движение Black Lives Matter и массовые протесты, перерастающие в беспорядки и погромы. В России – “восставший” Хабаровск, где основная борьба развернулась по поводу дальнейшей судьбы обвиненного в убийствах и, соответственно, снятого с должности губернатора С. Фургала. Да, отчасти протест в тех же США можно объяснить социальной аномией; в конце кон- цов, “левые” прожилки в протестном дискурсе иногда встречаются, особенно это было заметно в Автономной зоне Капитолийского холма (Сиэтл). Но в целом борьба ведется скорее за *исправление* системы, а не за построение нового общества. “Левого поворота”, таким образом, не происходит даже в ситуации, казалось бы, идеального шторма. Значит ли это, что современные протестные движения – просто нечто “предательское”? Или же стоит пойти дальше и вообще отбросить идею посткапиталистического общества?

Если придерживаться старого марксистско-анархистского представления о посткапи- талистической стадии общественного развития как о неантагонистической обществен- ной формации (коммунизм), в которой общество избавлено от всех форм отчуждения и наблюдается всеобщее равенство “гармонично развитых” личностей, то современные протестные движения, действительно, мало чем могут воодушевить левых энтузиастов. Однако на сложившуюся ситуацию можно посмотреть с другого ракурса: *зарождающиеся посткапиталистические общественные отношения далеки от коммунистических иде- алов*. Необходимо отбросить старые представления о посткапиталистическом обществе, сосредоточившись на противоречиях современной “низовой” политической борьбы как частных проявлениях становящейся *новой антагонистической общественной форма- ции* [Давыдов 2020] и процессах перехода к ней как медленно текущей и противоречивой *социальной революции личности*.

### **Социальная революция личности**

Основная гипотеза, от которой отталкивается автор, заключается в том, что посткапи- талистическая революция – это медленно протекающая *социальная революция личности*. В рамках марксистско-анархической традиции предполагалось, что капитализм будет раз- рушен борьбой угнетаемых классов (изначально – союза крестьян и рабочего класса). При этом акцент (особенно у последователей К. Маркса и Ф. Энгельса) делался на непо- средственной политической борьбе: захват власти, установление “диктатуры пролетар- риата” с последующей социалистической “переходной” стадией. Однако такой сценарий изначально был преисполнен идеологическим содержанием, когда классовое сознание отдельных групп принималось за источник прообразов неизбежного будущего. Все су- ществующие представления о коммунизме фактически исходят из этого смешения науки

и идеологии: из чисто гипотетического утверждения, что “снятие” капитализма приведет к уничтожению антагонистических общественных отношений и избавлению от всех форм отчуждения. Поэтому всюду виделись “исключения из правил”: пролетарская революция рассматривалась как впервые разрывающая вообще все социальные оковы, и впервые реально происходящая по инициативе (и под “управлением”) “снизу” (ведь ни рабы, ни крестьяне не были “организаторами” феодализма и капитализма, соответственно). «Коммунизм, – пишет Т. Ойзерман, – характеризовался Марксом и Энгельсом как общественный строй, который предполагает как господство над природой, так и господство над всеми общественными отношениями, удовлетворение всех разумных потребностей каждого члена общества, упразднение разделения труда, всестороннее развитие каждого человека. Уже простой перечень этих признаков коммунистического общества несомненно свидетельствует о том, что “научный коммунизм”, несмотря на свои существенные отличия от систем утопического социализма и коммунизма, не разделался до конца с утопизмом» [Ойзерман 2003, с. 25]. В основании данного заблуждения лежало предположение о том, что основная причина отчуждения, конкурентной борьбы людей друг с другом (“всей старой мерзости”) заключается в недостаточном удовлетворении базовых потребностей, неравенстве в распределении общественных богатств, грубости и неотесанности, связанной с нищетой, и т.п.

Однако не обязательно конкурентная борьба должна вестись именно *по поводу* материальных благ (их производства, дистрибуции и т.п.). Сегодня мы переживаем масштабную трансформацию, ведущую к тому, что главным источником наслаждений, престижа и влияния становится *личность*<sup>1</sup> как совокупность социально значимых качеств, обуславливающих нахождение того или иного лица в центре *внимания* (на разных уровнях – от локального (сообщества друзей, коллег и т.п.) до глобального). Это не означает, что старые проблемы при этом оказываются решенными. Как показывает история, смена общественных формаций (и, соответственно, способов производства) и не должна сопровождаться разрешением противоречий предыдущих обществ. Так, становление капитализма не означало, что крестьяне стали жить, как баре. Поэтому и сегодняшняя *революция личности* отнюдь не означает, что она влечет за собой искоренение неравенства и страданий. Скорее, такая революция обуславливается кризисом старого способа производства (см. выше), появлением принципиально новых благ, форм продуктивной деятельности, а главное – новых источников наслаждения и престижа, сочетающихся с новыми формами *влияния* (в том числе – политического). Социальная революция личности означает, что *личность становится ключевым благом, которое производится*. Сильно ускорило этот процесс развитие социальных медиа, буквально “наделивших” каждого персональным *счетчиком влияния* – количеством “друзей” и подписчиков. И это “производство”, связанное с *творческой деятельностью*, оказывается выходящим за рамки капиталистического “града”. Она также означает, что известность все чаще оказывается ключевым ресурсом политического влияния (многочисленные звезды, становящиеся политиками или лидерами общественных движений, социально-медийные инфлюенсеры и микроселебрити [Abidin

<sup>1</sup> Слово “личность” в русском языке имеет три значения: просто отдельный индивид; совокупность социально значимых черт человека; уникальные качества того или иного человека, выделяющие его на фоне остальных. В настоящей статье в зависимости от контекста данное слово употребляется в разных значениях. Однако акцент ставится на понимании личности не просто как уникальности (в некотором смысле все мы уникальны), а на социально признаваемой уникальности (или “исключительности”, “избранности”). При такой трактовке личность оказывается не тем, что характеризует каждого, но, скорее, своего рода ресурсом, которыми можно обладать “в той или иной степени” (или вообще не обладать). Так как социальное признание подразумевает внимание со стороны остальных людей, то и “масштаб личности” зависит от способности определенного человека завладеть общественным вниманием. Поэтому я далее и использую такие неоднозначные формулировки, как “люди, обладающие личностью”, и “люди, личностью не обладающие”: чтобы подчеркнуть тенденцию к разделению общества на две страты: персоналиат и имперсоналиат (см. ниже).

2018] как универсальные лидеры мнений, повсеместное расширение сфер самореализации в социальных медиа и т.д. и т.п.).

Соответственно, не стоит удивляться отсутствию “левого поворота” в ситуации “идеального шторма”. Если *личность* становится главным благом, “объектом желания” и ресурсом влияния, то очень трудно вообще говорить о какой-либо массовой дисциплинированной общественно-политической силе, стремящейся к сознательному “политическому” уничтожению капитализма и его недугов (неравенства, несправедливости и т.п.). Революция личности лишь способствует возникновению новых иерархий, переплетающихся с иерархиями старыми, что тоже не прецедент, ибо и буржуазная социальная революция сопровождалась соответствующим “переплетением элит”, как это было, скажем, во Франции XVIII в., в которой представители рождающейся буржуазии обладали сплошь и рядом дворянскими титулами. Так, многочисленные популярные блогеры являются *личностями* в том смысле, что основной ресурс их богатства и влияния – это вовсе не капитал, а результаты их творческой деятельности<sup>2</sup>, их *имя*, известность и “власть над вниманием” публики. Вместе с тем они – представители элит, инфлюенсеры (люди, пользующиеся авторитетом и влиянием), сотрудничающие с брендами и зачастую ведущие жизнь, близкую к роскошной. Поэтому необходимо говорить о весьма специфических “классовых позициях”, занимаемых представителями “новой элиты”.

Ценности “креативного класса” [Флорида 2016], буржуазной богемы [Брукс 2013], а также расширяющейся прослойки лидеров социальных медиа глубоко индивидуалистичны. Они не повторяют слепо буржуазные ценности, но при этом далеки от коммунистического идеала стремления к солидарному событию с другими. “Модус” *личностного бытия* становится повсеместным, но само по себе “обладание личностью”, как и обладание богатством, не рождает *радикально* новой субъектности, не ведет к давно ожидавшемуся *моральному очищению*. Личностный “модус” лишь сильнее смещает ценностный фокус в сторону индивидуализма, так как каждая личность по-своему *уникальна*, как и ее *личностный опыт*. Если производство материальных благ еще вело к появлению сплоченных трудовых коллективов, представители которых ощущали телесную спаянность, погруженность в единый производственный процесс, то производство личности возможно только в контексте поиска отличий от *других*.

Поэтому в той степени, в какой “духовный мир” личностей наполняется новым содержанием в *диалоге*, само производство личности в большинстве случаев оказывается подчиненным императиву *самоутверждения*, *самобрендинга*, *самопиара* и т.п. Личностный “модус” также не обязательно сугубо элитарен. Как и во времена расцвета буржуазного общества, когда погоня за материальными благами захватывала всех – от “мала до велика” (ибо ритм жизни задавал *праздный класс*, устанавливающий для всех критерии успеха [Веблен 2016]), сегодня повсеместна *погоня за самореализацией*, которая, как можно будет убедиться далее, сильно влияет на специфику массового мировосприятия.

Стало быть, революция личности – глубоко противоречивый процесс. Он, в частности, свидетельствует о появлении элит, которые устанавливают новые стандарты и мерки престижа. Это означает, что расслоение на элиты и социальные слои, находящиеся в уязвимом положении, остается и в рамках посткапитализма. При этом нас уже не сильно интересует, как долго проживут институты рыночной экономики и т.п., так как речь идет о параллельно выстраивающейся (но не совершенно чуждой!) системе производства, потребления,

<sup>2</sup> Если понимать творчество исключительно как создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей, то оно не обязательно является предиктором популярности. Однако творчеством может быть и сам процесс, в рамках которого создается (производится) личность (практики создания образов, их продвижения, пиара и т.п.). В этом смысле деятельность, скажем, моделей в Instagram – это тоже своего рода творчество, нацеленное на создание неповторимых образов и практик их публичной “презентации”.



доминирования и т.п., функционирующей “не по законам” рынка и капиталистической экономики в целом. Такая оптика позволяет по-новому взглянуть на существующую протестную, “низовую” борьбу. Многие ее противоречия становятся понятными, если поставить в центр внимания *личность* и *личностное*.

### Постматериалистическая трансформация и “изобретение” личности

Любая социальная революция – это растянутый на многие десятилетия процесс. Так, корни буржуазной социальной (не политической!) революции можно искать еще в деловой жизни средневековых городов (не говоря уже об итальянских городах-государствах эпохи Возрождения). Соответственно, было бы большой ошибкой считать, что переход к посткапиталистическому обществу – это неизбежно дело некоего “революционного рывка”, осуществляемого большой коллективной социальной силой. Революция личности идет уже давно, но многие ее проявления до сих пор скрываются под кроной старого мира.

Найти конкретную точку отсчета здесь будет довольно сложно. История личности (как абстрактной “личности” – феномена общественной жизни) – это история постепенного расширения *личностного* на фоне безликого, коллективного, космического, трансцендентного, уводящего в небытие и т.п. По мере технологического развития и роста общественного благосостояния люди отрывались от бесконечного поиска хлеба насущного (от безликого круговорота обмена энергией с природой) и приобщались к сферам деятельности, в которых “запечатлевалась” личность: в Античности как доблестные герои и воины, властители и философы, в эпоху Ренессанса как великие художники, в эпоху Просвещения как великие ученые, а начиная с XVIII в. как ускоряющаяся в своем расширении социальная прослойка творческих личностей – знаменитостей как публичных фигур, селебрити [Лилти 2018]. Параллельно формировался и расширялся “модус” личностного бытия для широких масс: огромное количество людей, особенно на фоне успехов промышленной революции, “отрывалось от земли” и постепенно освобождалось от деперсонифицирующего *труда*, который отнимал почти все силы и энергию. С распространением грамотности, увеличением свободного времени и в целом улучшением качества жизни многие обнаруживали, что они – не просто тела в вечном круговороте жизни, а неповторимые личности, имеющие неотчуждаемые права, свое оригинальное представление о мире и своем месте в нем.

Тем не менее, если говорить о протестных движениях, то за “линию водораздела” можно принять конец 1960-х – начало 1970-х гг. – время, ознаменованное появлением так называемых “новых общественных движений” [Cohen 1982] (см. также: А. Турен, Э. Лакло, Ш. Муфф, К. Оффе, И. Валлерстайн, М. Кастельс и др.). Как отмечает С. Бюхлер, в то время как в классической марксистской традиции предпочтение отдавалось идее пролетарской революции, уходящей корнями в сферу производства, «теоретики новых социальных движений, напротив, смотрели на другую логику действия, основанную на политике, идеологии и культуре, как на корень многих коллективных действий, и они обращались к другим источникам идентичности, таким как этническая принадлежность, пол и сексуальность, в качестве определяющих коллективной идентичности. Таким образом, термин “новые социальные движения” относится к разнообразным коллективным действиям, которые предположительно вытеснили старое социальное движение пролетарской революции, связанное с классическим марксизмом» [Buechler 1995, p. 442].

Новые социальные движения не возникли из вакуума. Они как раз стали отражением глубинных процессов, в рамках которых борьба за выживание и в целом буржуазная погоня за материальными благами постепенно вытеснялись *личностной* проблематикой: самореализация, поиск себя в мире, достижение свободы самовыражения, жизненная активность, выходящая за пределы сферы удовлетворения “материальных” потребностей

и т.п.<sup>3</sup> Многие жители развитых стран обнаружили, что экономическая эксплуатация — не самая острая проблема (ведь капитализм более или менее справлялся с общим ростом благосостояния), и куда насущнее могут быть проблемы, связанные с политическими правами и индивидуальными свободами, полом, гендером, расой, сексуальной ориентацией, загрязнением окружающей среды и т.п. Поэтому вполне резонно, что Р. Инглхарт в своих знаменитых исследованиях глобальных трансформаций ценностей концептуализирует этот процесс как расширение *постматериалистических ценностей* (так называемая “тихая революция” [Inglehart 1971]). Согласно Инглхарту, по мере достижения обществом определенного уровня экономического развития появляются реальные возможности удовлетворять минимальные материальные потребности или потребности “выживания” каждого (ситуация экзистенциальной безопасности). На материалах лонгитюдных межстрановых исследований (см. Всемирный обзор ценностей) он показал [Inglehart 2008], что существует устойчивая тенденция: чем богаче общество, тем более распространены постматериалистические ценности (ценности *самореализации*, качества жизни и т.д.)<sup>4</sup>.

Соответственно, чем более распространены постматериалистические ценности, тем сильнее протестная активность и более активны новые социальные движения [Quaranta 2015, р. 61–62]. Связь оказалась настолько сильна, что в период Великой рецессии, когда наблюдалось сокращение числа людей, придерживающихся постматериалистических ценностей, количество протестных акций в США не увеличилось (хотя по “классовой” логике должно было вырасти), а сократилось (движение Оссигу было ярким исключением из правил) [Cameron 2013]. Аналогичный феномен наблюдался в Великобритании [Henn, Oldfield, Hart 2017]. И дело не только в самом по себе ценностном сдвиге: здесь концепция постматериализма пересекается с теориями мобилизации ресурсов (см., например, [McCarthy, Zald 1977; Tilly 2004]), повествующими, что протест — это не просто вспышка недовольства, но сочетание “низовых” инициатив с практиками мобилизации, требующими тех или иных ресурсов (денег, свободного времени, образования, доступа к средствам коммуникации и координации и т.п.). Прослойка постматериалистов — это как раз те, кто находятся в “экзистенциальной” безопасности, располагают большим количеством свободного времени и неизбежно задумываются о роли своей *личности* в контексте широких общественных проблем.

### Антиномии протеста

Как бы то ни было, освобождение от изнурительного труда и необходимости постоянно бороться за жизнь не означает, что следующий шаг — это нечто вроде комплексной общественной рефлексии и нацеленность на *всестороннее* изменение мира к лучшему. Скорее стоит говорить о весьма специфической “классовой позиции”, которую занимают постматериалисты, ведь они, в сущности, не являются “страдающей” социальной прослойкой. Да, если посмотреть на риторику “новых левых”, феминисток, интерсекционалистов и т.п., то дискурс новых социальных движений часто проникнут левыми

<sup>3</sup> Здесь нужно осознавать двойственную природу личности. С одной стороны, личность — это человек, осознающий свою индивидуальность, но при этом *вовлеченный в общественную деятельность*, стремящийся быть гармоничной частью общественного целого. С другой стороны, личность — это тот, кто утверждает себя путем поиска *отличий от других*, тот, кто *выделяется*, осознает свою социальную “*исключительность*”, *притягивает внимание*. Разница между этими проявлениями личности весьма условна. Любая личность находится где-то *между* эгоцентрической замкнутостью на “себе” и социальной вовлеченностью, а потому ее может клонить то “влево” (в сторону коллективизма), то “вправо” (в сторону заносчивой “звездности”). Как будет показано далее, эта “неустойчивость” личности и стала причиной многих социальных потрясений.

<sup>4</sup> “Индекс постматериализма” измеряется путем опросов: людей спрашивают, что для них важнее — поддержание порядка в стране или предоставление людям большего права голоса при принятии важных политических решений, борьба с ростом цен или защита свободы слова и т.п.

и антибуржуазными идеями. Однако эта “левизна” и “антибуржуазность” на поверку оказываются слепы к проблемам преимущественно *экономически* (нищие и обездоленные, бедные, представители “низового” прекариата и т.п.), а не “культурно” притесняемых социальных групп. Поэтому в развитых странах социально-экономическая картина протеста переворачивается: имущие слои становятся более “протестными”, чем неимущие (у которых зачастую просто нет ни времени, ни сил, чтобы выражать недовольство чем-либо, кроме своего социально-экономического положения), и, соответственно, чаще разделяют постматериалистические ценности.

В конце концов, социально-экономический статус попросту перестает быть релевантным предиктором политического поведения [Gundelach 1995]. Пришествие “постматериалистической” политики сдвинуло общественно-политический дискурс от проблематики классовой борьбы к “личностной” (связанной с *борьбой за свободу самоопределения*) проблематике пола, гендера, расы, сексуальной ориентации, антиколониализма и т.п. Но фактически это вовсе не значило, что предыдущие проблемы были раз и навсегда решены. Скорее, переход инициативы к постматериалистам (проводящим “политику идентичности”) оставил без защиты “материалистов”, чем и воспользовались идеологи неоллиберализма, которые не преминули развернуть свои программы демонтажа институтов социального государства [Кагарлицкий 2017, с. 51].

Переход “от класса к дискурсу” в итоге прилетел обратно бумерангом к самим постматериалистам: пока людей больше всего интересовали индивидуальные свободы, *права* “культурно” притесняемых и представителей различного рода меньшинств, а также забота об окружающей среде, рост реального благосостояния большинства людей (если говорить о США) остановился. В реальном выражении средняя почасовая зарплата в Соединенных Штатах достигла максимума более чем 45 лет назад: ставка в 4,03 долл. в час, зафиксированная в январе 1973 г., имела такую же покупательную способность, что и 23,68 долл. в 2018 г. [Desilver 2018]. Великая рецессия расставила все по своим местам, и сегодня по известным причинам многие (но не все) постматериалисты вынуждены вновь становиться “материалистами” [Norris, Inglehart 2019].

Расставшаяся с классовой идентичностью *личность* не обязательно должна придерживаться леволиберальных взглядов. У нее на первом месте в списке приоритетов находится *свобода*. Так как каждая личность – это своеобразная “монада” со своими представлениями о мире, то солидарность между ними возможна преимущественно по логике “от противного”: мы можем не иметь никакого представления о желательном будущем, но здесь и сейчас в приоритете *свобода*, а значит для начала нужно разрушить *режим*, попирающий эту свободу. Поэтому, если в Западной Европе постматериалисты отрицают (якобы) “буржуазные” формы социального угнетения, то, скажем, в Восточной Европе объектами отрицания являются как раз антибуржуазное советское наследие и авторитарные режимы на постсоветском пространстве. Как убедительно показано в [Kostelka, Rovny 2019, p. 25], в Восточной Европе, с ее историческим наследием демократизации, направленной против коммунистической диктатуры, протесты положительно коррелируют с правой идеологией в первые годы демократии.

Россия – не исключение. В целом, сам по себе крах СССР был своеобразным аналогом “тихой революции” на Западе. Представление о буржуазном характере капиталистической реставрации слишком сильно ограничивает палитру описательных красок. Это была прежде всего революция *личности*, которая со временем оказалась невосприимчива к официальной идеологии и с крайней неприязнью смотрела на подавление *свободы самовыражения* в условиях дефицита потребительских товаров. Идеалы справедливости, равенства, общего дела во имя светлого будущего оказались ничем по сравнению с завистью перед “яркими личностями” Запада, живущими богатой индивидуалистической жизнью в обществе потребления. Стоит отметить, что особенность СССР как раз



состояла в том, что даже в сталинские времена личность не столько и не только подавлялась коллективом, а скорее “изобреталась” (практики “обличения”) [Хархордин 2018]. Кроме того, с 1960-х гг. официальная идеологическая риторика развернулась в сторону личности и личностного индивидуализма (ориентация на потребительские ценности и дискурс о “всесторонне развитой личности”<sup>5</sup> и т.п.) [Бикбов 2016]. Поэтому крах СССР лишь частично объясним неработоспособностью плановой экономики или дефицитом потребительских товаров (до самого конца в Советском Союзе ВВП неуклонно рос, демографическая ситуация была относительно неплохой и т.п.). В конце концов, советский народ переживал испытания потяжелее, среди которых голод 1932–1933 гг. и Великая Отечественная война. С чем СССР, переживший аналогичную западной *постматериалистическую* трансформацию, не смог совладать, так это с *личностью* (“перемен требуют наши сердца”) [Давыдов 2018].

Да, в 1990-е гг. последует своеобразный откат, и у людей, ощутивших на себе всю воплощенную мощь неолиберальной “доктрины шока” [Кляйн 2015] (забастовки шахтеров и т.п.), возник неизбежный запрос на стабильность, что и отразилось возвращением авторитаризма. Однако постепенное экономическое оживление приводило к тому, что постматериалистические протестные повестки звучали все чаще (борьба за честные выборы, против коррупции<sup>6</sup> и т.п.). Более того, постматериалистический протест фактически стал “заглушать” повестки, порождаемые классовой борьбой. Протесты 2011–2013 гг.<sup>7</sup>, когда проходили массовые акции “за честные выборы” (т.н. “болотная революция”), были куда масштабнее, ярче и заметнее, чем протесты против монетизации льгот в 2004–2005 гг. (или ближе – протесты в Калининграде против повышения транспортного налога в 2009–2010 гг.). То же самое можно сказать об антивоенных протестах 2014 г., антикоррупционных протестах 2017 г. или, скажем, о московских протестах 2019 г., спровоцированных недопуском оппозиционных кандидатов на выборы в Мосгордуму и затем с громкими уголовными преследованиями митингующих (“Московское дело”) на фоне куда более скромных, рассредоточенных и преимущественно “институционально организованных” (партиями вроде КПРФ, официальными организациями и т.п.) протестов против Пенсионной реформы в 2018 г.

Протесты с “постматериалистической” повесткой не только становятся преобладающими на федеральном уровне. В последнее время очень массовыми становятся локальные протесты, связанные с действиями местных властей и посвященные различной городской проблематике (например, вопросы застройки спорных объектов), сохранению уникальных природных объектов и т.п.: к примеру, растянувшийся во времени конфликт вокруг

<sup>5</sup> Этот дискурс, конечно, не был нацелен на формирование эгоцентричной личности, противопоставляющей себя другим. Однако, как уже было отмечено (см. сноску выше), зачастую трудно провести четкий водораздел между яркой индивидуальностью, определяющей себя через вовлечение, активную деятельность во благо других и т.п., и яркой индивидуальностью, формируемой путем агрессивной борьбы за общественное признание и утверждение своей уникальности как *исключительности*.

<sup>6</sup> Чисто внешне борьба против коррупции имеет и “материалистические” основания (деньги налогоплательщиков, идущие на дорогие особняки чиновников, и т.п.). Но, как показывает практика, куда больше людей возмущает именно сам факт *обмана*: как *личности* они оказываются оскорбленными самим фактом незаконных действий за их счет. А если учесть, что организаторы (А. Навальный и др.) антикоррупционных митингов были теми же, что и митингов “за честные выборы” (см. сноску ниже), то можно говорить об их преимущественно “постматериалистической” природе.

<sup>7</sup> Есть все основания относить данные протесты к протестам с преобладающей долей участников, придерживающихся постматериалистических ценностей. Когда эксперты ВШЭ проводили опрос участников протеста 10 декабря 2011 г., то выяснили, что среди них люди с высшим образованием составляли 81,5%, при этом 8,1% от общего числа респондентов обладали ученой степенью. 52,4% опрошенных не имели проблем с занятостью и лишь ответы 14,3% можно идентифицировать как сильно тревожные. 46,8% респондентов по меньшей мере удовлетворены своим доходом. 85% опрошенных выбрали в качестве основной проблемы современной России коррупцию в высших эшелонах власти, и лишь треть респондентов столь же сильно озабочены проблемами образования и здравоохранения [Соколова, Головина, Семирянова 2014].

Химкинского леса (2007–2012), экологический протест против строительства мусорного полигона вблизи железнодорожной станции Шиес в Ленском районе Архангельской области (июль 2018 – 9 июня 2020) (а также многочисленные другие “мусорные конфликты”, которые затронули полстраны), протесты против строительства храма в сквере у Драмтеатра в Екатеринбурге (май 2019), протесты в Хабаровском крае против коррупционной системы лояльности региональных чиновников после ареста бывшего губернатора Хабаровского края С. Фургала (с 11 июля 2020 г.), протесты в защиту шихана Куштау в Башкортостане (август 2020 г.) и т.п. Причем и здесь наблюдаются своеобразные “антиномии”: скажем, в Екатеринбурге, казалось бы, куда более значимая и актуальная Пенсионная реформа не вывела на улицы столько людей, сколько перспектива застройки не самого популярного в городе сквера, а в ситуации углубляющегося кризиса, связанного с пандемией COVID-19, люди в России массово протестуют против отставки губернатора с сомнительным прошлым.

Проблема, однако, не просто в переходе уличной политической инициативы к *личностям*, разделяющим постматериалистические ценности. Протестная активность постматериалистов может идти (и обычно – идет) вразрез с интересами “материалистического” большинства. Это происходит, когда активное постматериалистическое меньшинство выдает уличную активность за свидетельство “всенародной” и “демократической” поддержки той или иной идеи. В итоге десятки и сотни тысяч протестующих, составляющих незначительные проценты (если не доли процента) населения, прямо влияют на политику не в интересах молчаливого большинства. Случаев подобных исторических “диссонансов” история знает великое множество: от развала Советского Союза, ставшего экономической, социальной, культурной и демографической катастрофой масштаба Второй мировой, до известных событий на Украине в 2013–2014 гг. Во многих случаях это противоречие имеет более явные проявления, но иногда грань довольно размыта. К примеру – протесты “Арабской весны”, в которых в ряде случаев “материалистический” фактор перемешивался с “постматериалистическим”. Почти все страны, пережившие “Арабскую весну”, имели “предпротестный” период стабильного экономического роста<sup>8</sup>. В сущности, речь применительно к большему числу случаев шла о завышенных ожиданиях (см. концепции относительной депривации: [Runciman 1966; Gurr 1970] и др.) ознакомившейся через Интернет с постматериалистическими ценностями молодежи. Появился запрос на *самореализацию*, гражданские свободы, на жизнь, как в развитых странах, но не имелось внятных представлений о том, как эта жизнь в тех самых странах была обеспечена (и как конкретно ее обеспечить в странах арабских). В итоге “Арабская весна” обернулась для ряда стран существенным замедлением развития, а то и катастрофой, отбросившей общество обратно в средневековье (гражданские войны в Ливии и Сирии). В 2016 г. экспертами ООН было подсчитано, что “Арабская весна” обошлась экономике региона в 614 млрд долл. (эквивалентно 6% ВВП в период с 2011 по 2015 г.) [Миклашевская 2016].

И сегодня то, что происходит на момент написания данных строк в Беларуси (протесты против действующего президента А. Лукашенко), – еще один пример очень рискованной *борьбы за свободу* (с очевидным прозападным, проевропейским настроем), которая, учитывая большую долю государства в экономике и экспортную ориентацию на Россию, может обернуться очередным неолиберальным “шоком”.

<sup>8</sup> Так, Л. Исаев и А. Шишкина отмечают, что в Египте за 30 лет пребывания Х. Мубарака у власти (1981–2011 гг.) ВВП страны вырос почти в 4,5 раза, что является одним из лучших показателей для стран “третьего мира”. “Особенно высокими темпами экономика стала развиваться в последние годы его правления, чему в немалой степени способствовали экономические реформы, осуществленные кабинетом во главе с Ахмедом Назифом” [Исаев, Шишкина 2014, с. 23].

**Раскалывающийся протест и персоналиат как новая господствующая социальная прослойка**

Вышесказанное отнюдь не означает, что “материалистические” протестные повестки уходят в небытие. Как наглядно показала К. Вrabликова, некорректно рассматривать протестные движения сквозь какую-то одну социологическую призму или теоретический подход. И уж тем более не стоит смешивать “материалистические” и “постматериалистические” протесты: у них разные повестки и социальная база [Vrabliková 2015]. “Материалистический” протест никуда не исчезает (см. пример Греции в [Rüdiger, Karyotis 2014]). Скорее, долгое “засилье” постматериалистов неизбежно приводит к чему-то вроде “столкновения повесток”. Во многих ситуациях “материалистический” протест – ответ на действия постматериалистов. К примеру, Движение желтых жилетов во Франции – яркий пример противоречия между людьми, разделяющими постматериалистические ценности, и наиболее бедной и социально незащищенной частью населения. Как замечает П. Лиддиард, «демонстрации рабочего и среднего класса, “Желтые жилеты”, были символом напряженности между политикой экономии, такой как сведение ежемесячных бюджетных концов с концами, и новыми постматериалистическими ценностями, такими как долгосрочная защита окружающей среды» [Liddiard 2019; Бурмо, Лапина 2019, с. 41]. Однако стоит признать, что постматериалистические повестки сегодня преобладают, даже в таких ситуациях, когда все по идее должно быть наоборот.

Когда в США началась пандемия COVID-19, приведшая к беспрецедентным за все время существования страны негативным социально-экономическим последствиям, мало кто ожидал, что социальный взрыв произойдет вовсе не со стороны безработных, бедных или рабочих. Массовые выступления под лозунгами “Black Lives Matter” (BLM) начались после убийства белыми полицейскими при задержании чернокожего Дж. Флойда в Миннеаполисе. И до сих пор не похоже, чтобы эти многочисленные протесты, охватившие всю страну, были бы по-настоящему “левыми”. Преобладает леволиберальный дискурс об уважении прав различного рода меньшинств, а также притесняемых по расовому признаку. Если ночью мародеры громили дорогие районы американских городов (например, Сохо на Манхэттене), то днем улицы наполняли преимущественно белокожие молодые люди, придерживающиеся “прогрессивных” взглядов. Фактически расовая тематика вытеснила социальную, а политическая поверхность закрыла социально-экономическую глубину: вместо того, чтобы пытаться докопаться до глубинных причин “маргинального” социального положения чернокожего населения в США (сама капиталистическая система, не нацеленная на всестороннее развитие и социализацию всех и всюду), производятся попытки “исправить” сознание людей.

Такая ситуация необъяснима<sup>9</sup>, если по-прежнему пытаться рассматривать протест с помощью концепта классовой борьбы (в классическом марксистском понимании как борьбы рабочего класса и буржуазии). Но все меняется, если признать, что за капитализмом следует новая антагонистическая общественная формация, а новым господствующим слоем становятся “люди, обладающие личностью”, – *персоналиат* [Давыдов 2020]. Люди, определяющие себя скорее в “личностных”, нежели привычных классовых, категориях не просто придерживаются специфических постматериалистических ценностей. Как уже было отмечено выше, социальную революцию личности характеризует то, что сама личность становится тем, что производится: источником удовольствий,

---

<sup>9</sup> Конечно, она традиционно легко объясняется рядом марксистов и левых в терминах невежества масс и предательства интеллектуалов, которые пошли в хвосте либералов и буржуа с выдвижением безошибочного для всех времен и народов рецепта: нужно заниматься массовым революционным воспитанием, просвещением и т.п. Такие “отговорки”, учитывая, что история левой политической мысли превращается в историю “массовых захоронений” революционных субъектов, уже выглядят довольно абстрактными и беспредметными.

удовлетворенности от жизни, но главное – *ресурсом (вернее – инструментом) влияния*. Социальная революция личности – это технологически обусловленное расширение *личностного*. Сегодня не единичные герои или выдающиеся политики и философы “обладают личностью”, но крайне быстро растущая прослойка людей, оказывающих влияние на публичные дискурсы.

**NB!** Отмечу, что страта постматериалистов и персоналиат не есть одно и то же. Персоналиат – это прослойка элиты, чей основной ресурс – это популярность. Не все постматериалисты являются персоналиатом, как и не все представители персоналиата разделяют исключительно постматериалистические ценности. Скорее, эти прослойки объединяет “личностный индивидуализм” большинства их представителей и специфический, условно говоря, “постклассовый” взгляд на мир (выходящий за рамки борьбы рабочего класса и буржуазии).

Многочисленные знаменитости и публичные персоны, лидеры мнений в социальных медиа, представители интеллектуальных элит, яркие представители локальных и городских сообществ, которым куда “ближе по духу” именно постматериалистическая ценностная матрица, являются своеобразными коммуникативными “агрегаторами”, способными быстро сфокусировать протестные настроения, а то и вовсе – самостоятельно спровоцировать протестную “волну”.

Так, перед протестами в защиту сквера в Екатеринбурге наблюдалась бурная активность городского креативного класса, интеллигенции и богемы в социальных медиа. У местных гражданских активистов, культурных элит, интеллигенции и известных в своих и не только кругах представителей богемной “тусовки” есть то, чего не имеют пенсионеры или рабочие: активная вовлеченность в социальные медиа, относительно большое количество подписчиков, способность провоцировать медийный “снежный ком”, а главное – умение много и грамотно писать или говорить, формируя соответствующие ценности или побуждая к действию.

События в США оказались во многом схожими: по мере разворачивания протестных акций отмечалась беспрецедентная волна политизаций социально-медийных инфлюенсеров. Всевозможные медийные персоны и блогеры, ранее не имевшие к политике совершенно никакого отношения, внезапно стали высказываться в поддержку BLM и призывать к активным протестным действиям [Greenspan, Tenbarger 2020]. Звезды шоубизнеса, в свою очередь, активно предоставляли гражданским активистам BLM аккаунты от своих социальных сетей, чтобы “дать высказаться от своего имени” и “привлечь внимание к действительно важным вопросам” [Stewart, Ghaffary 2020]. Между социальными “низами” и медийными элитами, *выдающимися и яркими личностями*, которые еще недавно демонстрировали в Instagram свою богатую индивидуальность и роскошную жизнь, моментально возникло “единение” по поводу классово нейтральной категории расы. Так *личность затмила класс* и еще сильнее приблизила ведущую буржуазную державу к неизбежному протестному бумерангу, который с большой вероятностью вернется, но уже с более “материалистическими” (если не сказать *материальными*) запросами.

\* \* \*

Парадоксы современных протестных движений все чаще ставят в тупик исследователей или общественных деятелей, придерживающихся левых политических взглядов и не разорвавших интеллектуальных связей со старыми представлениями о коммунизме. Если продолжать смотреть на современный протест сквозь такую теоретическую линзу, то обнадеживающего, действительно, мало. Однако очень многое указывает на то, что эта линза сильно искажает реальность. Как было показано выше, куда больше соответствует действительности представление о том, что мы движемся к новой антагонистической

общественной формации, а противоречия современных протестных движений – лишь наглядная демонстрация данного процесса. Если копнуть еще глубже, то станут видны внутренние шестеренки этих трансформаций: развитие медиатехнологий, экономики знаний и креатосферы во многом способствует расширению социальной прослойки *персоналиата*. Однако сопутствующая и взаимосвязанная тенденция – расширение прослойки *имперсоналиата*. Многие сегодня достигают творческих успехов, *реализуют свою личность*, но куда большее количество людей оказываются “лишними”, ведь современная экономика – это экономика очень быстрой автоматизации и роботизации производства, вытесняющая не имеющих творческих дарований или способностей творческим образом “завоевывать” популярность на обочину жизни [Форд 2016]. В то время как многие креативные люди будут становиться универсальными лидерами мнений в социальных медиа (и это не только знаменитости и блогеры, но и успешные бизнесмены, ученые и т.п.), очень многие будут довольствоваться положением пассивных “слушателей”. Это разделение общества на персоналиат и имперсоналиат, скорее всего, будет только усиливаться (и постепенно заслонять собой другой “разрыв” – между буржуазией и классом наемных работников). Поэтому будущее предстает вовсе не в розовом цвете: грядут тяжелые времена, когда социальная прослойка людей, обладающих весьма специфичным *личностным* взглядом на мир, стремящихся к свободе во всех ее формах и проявлениях, не терпящих никакой “стабильности” и “власти” над собой, будет все чаще сталкиваться с запросами “обычных людей”, которые скорее бы предпочли отсутствие социальных потрясений смелым авантюрам самоуверенных *личностей*.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бикбов А. (2016) Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Бранко М. (2017) Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Издательство Института Гайдара.
- Бриньолфсон Э., Макафи Э. (2017) Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий. М.: АСТ.
- Брукс Д. (2013) Бобо в раю. Откуда берется новая элита. М.: Ад Маргинем.
- Бузгалин А.В. (2018) Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. № 7. С. 43–53.
- Бузгалин А.В. (2011) Социальная философия XXI в.: ренессанс марксизма? // Вопросы философии. № 3. С. 36–47.
- Бурмо Д., Лапина Н.Ю. (2019) Движение “Желтых жилетов”: взгляд из России и Франции // Россия и современный мир. № 3. С. 37–63.
- Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. (2020) Базовый доход: Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Веблен Т. (2016) Теория праздного класса. М.: Либроком.
- Горц А. (2010) Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Давыдов Д.А. (2020) Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической общественной формации. М.: URSS.
- Давыдов Д.А. (2018) Сможет ли коммунизм совладать с личностью? // Свободная мысль. № 5. С. 23–34.
- Исаев Л.М., Шишкина А.Р. (2014) Соблазненные революцией // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). № 2. С. 21–33.
- Кагарлицкий Б.Ю. (2017) Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Кляйн Н. (2015) Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф. М.: Хорошая книга.
- Котлер С., Диамандис П. (2018) Изобилие. Будущее будет лучше, чем вы думаете. М.: АСТ.
- Лилли А. (2018) Публичные фигуры: Изобретение знаменитости (1750–1850). СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.



- Мейсон П. (2016) Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем.
- Миклашевская А. (2016) “Арабская весна” обошлась в 614 млрд долл. ООН оценила ущерб от событий 2011 года для экономики региона (<https://www.kommersant.ru/doc/3141993>).
- Ойзерман Т.И. (2003) Марксизм и утопизм. М.: Прогресс-Традиция.
- Ореховский П.А. (2020) Левая утопия в XXI веке // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 162–175.
- Павлов А.В. (2020) Социально-философские перспективы безусловного базового дохода // *Философские науки*. № 3. С. 105–118.
- Пикетти Т. (2016) Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем.
- Соколова А., Головина М., Семирханова Е. (2014) “Вы нас даже не представляете”: социальный портрет митингующих в динамике // “Мы не немцы”: антропология протеста в России 2011–2012 годов. Под ред. А.С. Архиповой. Тарту: Научное издательство ЭЛМ. С. 83–122.
- Срничек Н., Уильямс А. (2019) Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press.
- Стэндинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Флорида Р. (2016) Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Форд М. (2016) Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина Диджитал.
- Хархордин О. (2018) Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Abidin C. (2018) Internet Celebrity: Understanding Fame Online. Bingley: Emerald Publishing.
- Buechler S. M. (1995) New Social Movement Theories // *The Sociological Quarterly*. Vol. 36. № 3. Pp. 441–464.
- Cameron S. M. (2013). Postmaterialism in Times of Crisis. Paper presented at the European Consortium for Political Research General Conference, Bordeaux (<https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/82449099-9a96-4739-a2ab-7d665b6c4b10.pdf>).
- Cohen J. (1982) Class and Civil Society: The Limits of Marxian Critical Theory. Amherst, MA: Univ. of Massachusetts Press.
- Desilver D. (2018) For Most U.S. Workers, Real Wages Have Barely Dugged in Decades (<https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/08/07/for-most-us-workers-real-wages-have-barely-budged-for-decades/>).
- Graeber D. (2018) Bullshit Jobs. A Theory. New York: Simon & Schuster.
- Greenspan R. E., Tenbarge K. (2020) BLM Protests Have Flipped the Script for Influencers Used to Walking the Line Between Losing Followers and Political Expression. Now, Creators say the Landscape has Shifted (<https://www.insider.com/blm-george-floyd-protests-influencers-political-meghan-rienks-swoozie-fousey-2020-6>).
- Gundelach P. (1995) Grass-roots Activity / Van Deth J.W., Scarbrough E. (eds.) *The Impact of Values*. Oxford: Oxford Univ. Press. Pp. 412–440.
- Gurr T. R. (1970) Why Men Rebel. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press.
- Henn M., Oldfield B., Hart J. (2017) Postmaterialism and Young People’s Political Participation in a Time of Austerity // *The British Journal of Sociology*. No. 3. Pp. 712–737.
- Inglehart R. (2008) Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 // *West European Politics*. Vol. 31. No.1–2. Pp. 130–146.
- Inglehart R. (1971) The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies // *The American Political Science Review*. Vol. 65. No. 4. Pp. 991–1017.
- Kostelka F., Rovny J. (2019) It’s Not the Left: Ideology and Protest Participation in Old and New Democracies // *Comparative Political Studies*. Vol. 52. № 11. Pp. 1677–1712.
- Liddiard P. (2019) The Trouble with Political Parties and the Rise of the Yellow Vests (<https://www.wilsoncenter.org/publication/the-trouble-political-parties-and-the-rise-the-yellow-vests>).
- McCarthy J. D., Zald M. N. (1977) Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // *American Journal of Sociology*. Vol. 82. No. 6. Pp. 1212–1241.
- Norris P., Inglehart R. (2019) Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Quaranta M. (2015) Political Protest in Western Europe Exploring the Role of context in Political Action. Heidelberg: Springer.

Rifkin J. (2015) *Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism*. New York: St. Martin's Griffin.

Rüdiger W., Karyotis G. (2014) Who Protests in Greece? Mass Opposition to Austerity // *British Journal of Political Science*. Vol. 44. No. 3. Pp. 487–513.

Runciman W. G. (1966) *Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth-century England*. Berkeley: Univ. of California Press.

Stewart E., Ghaffary S. (2020) It's Not Just Your Feed. Political Content has Taken Over Instagram. How Black Lives Matter Finally Pushed Instagram into Politics (<https://www.vox.com/recode/2020/6/24/21300631/instagram-black-lives-matter-politics-blackout-tuesday>).

Tilly Ch. (2004) *Social Movements, 1768–2004*. Boulder/London: Paradigm.

Vrábliková K. (2015) Privileged Post-materialists or Excluded Radicals? Different Pathways of Protest Participation in a Case-control Study. Paper presented at the Goethe-Universität Frankfurt am Main, May 26 (<http://www.vrablikova.info/pdf/vrablikova-privileged-postmaterialists-or-excluded-radicals.pdf>).

## REFERENCES

Abidin C. (2018) *Internet Celebrity: Understanding Fame Online*. Bingley: Emerald Publishing.

Bikbov A. (2016) *Grammatika poriadka. Istoricheskaia sotsiologiya poniatii, kotorye meniaiut nashu real'nost'* [Grammar of Order: A Historical Sociology of the Concepts That Change Our Reality]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki (In Russ.).

Branko M. (2017) *Global'noe neravenstvo. Novyi podkhod dlia epokhi globalizatsii* [Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara (In Russ.).

Brynjolfsson E., McAfee A. (2017) *Vtoraia era mashin. Rabota, progress i protsvetanie v epokhu noveishikh tekhnologii* [The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies]. Moscow: Neoclassic, AST (In Russ.).

Brooks D. (2013) *Bobo v raiu. Otkuda beretsia novaia elita* [Bobos in Paradise: The New Upper Class and How They Got There]. Moscow: Ad Marginem (In Russ.).

Buechler S. M. (1995) New Social Movement Theories. *The Sociological Quarterly*, no. 3 (36), pp. 441–464.

Bourmaud D., Lapina N.Iu. (2019) Dvizhenie “Zhelytykh zhiletov”: vzgliad iz Rossii i Frantsii [Movement of “Yellow Vests”: View from Russia and France]. *Rossia i sovremennyi mir*, no. 3, pp. 37–63 (In Russ.).

Buzgalin A.V. (2018) Kreativnaia ekonomika: chastnaia intellektual'naia sobstvennost' ili sobstvennost' kazhdogo na vse? [Creative Economy: Private Intellectual Property or Ownership by Everybody of Everything?]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 43–53 (In Russ.).

Buzgalin A.V. (2011) Sotsial'naia filosofii XXI v.: renessans marksizma? [Social Philosophy of the XXI Century: the Renaissance of Marxism?]. *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 36–47 (In Russ.).

Cameron S.M. (2013) *Postmaterialism in Times of Crisis. Paper presented at the European Consortium for Political Research General Conference, Bordeaux* (<https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/82449099-9a96-4739-a2ab-7d665b6c4b10.pdf>).

Cohen J. (1982) *Class and Civil Society: The Limits of Marxian Critical Theory*. Amherst, MA: Univ. of Massachusetts Press.

Davydov D.A. (2020) *Lichnost' i gosudarstvo v terniakh postkapitalizma: Na puti k novoi antagonisticheskoi obshchestvennoi formatsii* [Personality and State in the Thorns of Post-Capitalism: Toward a new antagonistic Formation]. Moscow: URSS (In Russ.).

Davydov D.A. (2018) Smozhet li kommunizm sovladat' s lichnost'iu? [Can the Communism Cope with Personality?]. *Svobodnaia mysl'*, no. 5, pp. 23–34 (In Russ.).

Desilver D. (2018) *For Most U.S. Workers, Real Wages Have Barely Dugged in Decades* (<https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/08/07/for-most-us-workers-real-wages-have-barely-budged-for-decades/>).

Florida R. (2016) *Kreativnyi klass. Liudi, kotorye sozdaiut budushchee* [The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community, and Everyday Life]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber (In Russ.).

Ford M. (2016) *Roboty nastupaiut: Razvitie tekhnologii i budushchee bez raboty* [Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future]. Moscow: Al'pina Didzhital (In Russ.).

Gorz A. (2010) *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital* [The Immaterial: Knowledge, Value and Capital]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki (In Russ.).

- Graeber D. (2018) *Bullshit Jobs. A Theory*. New York: Simon & Schuster.
- Greenspan R. E., Tenbarge K. (2020) *BLM Protests Have Flipped the Script for Influencers Used to Walking the Line Between Losing Followers and Political Expression. Now, Creators say the Landscape has Shifted* (<https://www.insider.com/blm-george-floyd-protests-influencers-political-meghan-rienks-swoozie-fousey-2020-6>).
- Gundelach P. (1995) Grass-roots Activity / Van Deth J.W., Scarbrough E. (eds.) *The Impact of Values*. Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 412–440.
- Gurr T. R. (1970) *Why Men Rebel*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Henn M., Oldfield B., Hart J. (2017) Postmaterialism and Young People's Political Participation in a Time of Austerity. *The British Journal of Sociology*, no. 3, pp. 712–737.
- Inglehart R. (1971) The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies. *The American Political Science Review*, no. 4 (65), pp. 991–1017.
- Inglehart R. (2008) Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006. *West European Politics*, no. 1–2 (31), pp. 130–146.
- Isaev L.M., Shishkina A.R. (2014) Soblaznennye revoliutsiei [Seduced by the Revolution]. *Politiia: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)*, no. 2, pp. 21–33 (In Russ.).
- Kagarlitskii B.Iu. (2017) *Mezhdru klassom i diskursom. Levye intellektualy na strazhe kapitalizma* [Between Class and Discourse. How Left Intellectuals Serve Capitalism]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki (In Russ.).
- Kharkhordin O. (2018) *Oblichat' i litsemerit': genealogiia rossiiskoi lichnosti* [Reveal and Dissimulate: A Genealogy of the Russian Personality]. St. Petersburg: Evropeiskii universitet v Sankt-Petersburge (In Russ.).
- Klein N. (2015) *Doktrina shoka: rascvet kapitalizma katastrof* [The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism]. Moscow: Dobraia kniga (In Russ.).
- Kostelka F., Rovny J. (2019) It's Not the Left: Ideology and Protest Participation in Old and New Democracies. *Comparative Political Studies*, no. 11 (52), pp. 1677–1712.
- Kotler S., Diamandis P. (2018) *Izobilie. Budushchee budet luchshe, chem vy думаете* [Abundance: The Future Is Better Than You Think]. Moscow: AST (In Russ.).
- Liddiard P. (2019) *The Trouble with Political Parties and the Rise of the Yellow Vests* (<https://www.wilsoncenter.org/publication/the-trouble-political-parties-and-the-rise-the-yellow-vests>).
- Lilti A. (2018) *Publichnye figury: Izobretenie znamenitosti (1750–1850)* [Public Figures: the Invention of Celebrity in the Eighteenth Century]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha (In Russ.).
- McCarthy J. D., Zald M. N. (1977) Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. *American Journal of Sociology*, no. 6(82), pp. 1212–1241.
- Mason P. (2016) *Postkapitalizm: Putevoditel' po nashemu budushhemu* [PostCapitalism: A Guide to our Future]. Moscow: Ad Marginem (In Russ.).
- Miklashevskaja A. (2016) "Arabskaia vesna" oboshlas' v \$614 mlrd OON otsenila ushcherb ot sobytiia 2011 goda dlia ekonomiki regiona ["Arab Spring" Cost \$ 614 Billion. The UN Estimated the Damage from the Events of 2011 for the Region's Economy] (<https://www.kommersant.ru/doc/3141993>) (In Russ.).
- Norris P., Inglehart R. (2019) *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Oizerman T.I. (2003) *Marksizm i utopizm* [Marxism and Utopianism]. Moscow: Progress-Traditsiia (In Russ.).
- Orekhovskii P.A. (2020) Levaia utopiia v XXI veke [Leftist Utopia in the 21st Century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 162–175 (In Russ.).
- Pavlov A.V. (2020) Sotsial'no-filosofskie perspektivy bezuslovnogo bazovogo dokhoda [Socio-philosophical Perspectives of an Unconditional Basic Income]. *Filosofskie nauki*, no. 3, pp. 105–118 (In Russ.).
- Piketty T. (2016) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow: Ad Marginem (In Russ.).
- Quaranta M. (2015) *Political Protest in Western Europe Exploring the Role of context in Political Action*. Heidelberg: Springer.
- Rifkin J. (2015) *Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism*. New York: St. Martin's Griffin.
- Rüdiger W., Karyotis G. (2014) Who Protests in Greece? Mass Opposition to Austerity. *British Journal of Political Science*, no. 3 (44), pp. 487–513.

Runciman W. G. (1966) *Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth-century England*. Berkeley: Univ. of California Press.

Sokolova A., Golovina M., Semirkhanova E. (2014) “Vy nas dazhe ne predstavliaete”: sotsial'nyi portret mitinguiushchikh v dinamike [“You Can't Even Imagine Us”: A Social Portrait of Protesters in Dynamics] A.S. Arkhipova (ed.) “*My ne nemy*”: antropologiya protesta v Rossii 2011–2012 godov [“We are not Dumb”: the Anthropology of Protest in Russia in 2011–2012]. Tartu: Nauchnoe izdatel'stvo ELM, pp. 83–122 (In Russ.).

Srniczek N., Williams A. (2019) *Izobretaia budushchee. Postkapitalizm i mir bez truda* [Inventing the Future. Postcapitalism and a World Without Work]. Moscow: Strelka Press (In Russ.).

Standing G. (2014) *Prekariat: novyi opasnyi klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press (In Russ.).

Stewart E., Ghaffary S. (2020) *It's Not Just Your Feed. Political Content has Taken Over Instagram. How Black Lives Matter Finally Pushed Instagram into Politics* (<https://www.vox.com/recode/2020/6/24/21300631/instagram-black-lives-matter-politics-blackout-tuesday>).

Tilly Ch. (2004) *Social Movements, 1768–2004*. Boulder/London: Paradigm.

Van Parijs P., Vanderborght Y. (2020) *Bazovyi dokhod: Radikal'nyi proekt dlia svobodnogo obshchestva i zdorovoi ekonomiki* [Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki (In Russ.).

Veblen T. (2016) *Teoriia prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow: Librokom.

Vrábliková K. (2015) *Privileged Post-materialists or Excluded Radicals? Different Pathways of Protest Participation in a Case-control Study. Paper presented at the Goethe-Universität Frankfurt am Main, May 26* (<http://www.vrablikova.info/pdf/vrablikova-privileged-postmaterialists-or-excluded-radicals.pdf>).